

Другие книги
серии
«АЗБУКА. ГОЛОСА»

Валерий Шпякин
0,5

Владимир Березин
СНТ

Анна Линская
КАФЕ СМЕРТИ

Екатерина Какурина
МАРКЕТОЛОГ
ОТ БОГА

Марина Чуфистова
ЙАЛКА

Александр Касаверде
Электрические киты

Владимир Шинкарев
МАКСИМ И ФЕДОР

Владимир Березин
УРАНОТИПИЯ

Сергей
Гандлевский

Трепанация
черепа

НРЗБ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Г 19

Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-27215-6

© С. М. Гандлевский, 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ТРЕПАНАЦИЯ ЧЕРЕПА

Повесть

Я люблю, когда врут! Вранье есть
единственная человеческая приви-
легия перед всеми организмами.

Ф. М. Достоевский

Когда я открывал глаза, она уже болела. А может, меня просто-напросто будила головная боль. Белый боксер Чарли, племенной брак, внеплановая вязка, махом сигал на кровать. Я по привычке заслонял солнечное сплетение и пах: в засранце сорок кило весу и люберецкая силища. Жена поворачивалась на правый бок, а я отбивался от кобельего панибратства и брезгливо натягивал отсыревшие за ночь портки и рубаху. В полукедах на босу ногу я спускался на террасу. Не из отцовской бережности, а чтобы урвать еще четверть часа тишины, на цыпочках проходил мимо детской комнаты.

В ушах шумело. По первости я, случалось, озирался: откуда? Пока не смекнул, что я — он и есть источник шума. Чарли вился вокруг меня мелким бесом, и мы доходили до задней калитки. Лес начинался сразу. Я задерживался у ствола поваленной накануне березы. Чистая работа. Жаль, конечно, тем более что береза — символ русской духовности и особого пути России, но работа чистая. Хотя шведские березы будут поавантажней. Когда мы слонялись с Рубин-

штейном по Стокгольму в сентябре девяносто второго, меня озадачило засилье роз на газонах. Я взялся умничать. «Лева, — воскликнул я, — ведь северная страна, вроде нашей! Вот что значит близость Гольфстрима!» Рубинштейн согласился со мной в принципе, но вскользь заметил, что во дворе шведского посольства в Москве из-за роз тоже плюнуть некуда.

Чарли метил ближайшую ель, балансируя на трех ногах, потом принимался суетливо кружить по подлеску, наконец пристраивался, напоминая страдальчески ослабившегося горбуна, и оставлял солдатскую кучу. От облегчения он делал два-три скачка вбок, прихватывал пастью еловую шишку и приглашал меня поразвлечься. Дудки, теперь моя очередь.

Я запирался в будке на краю участка, курил, тискал ладонью невыносимый лоб и по привычке читал заголовки на лоскутах пожелтевших газет. «На необъятных просторах Родины». Понятно. «Обуздать...» Оборвано, но тоже понятно. «Позор...» — и снова ворсистый обрыв. «Гореть пионерским кострам!» Гори они огнем. Словом, родина — ширь да простор: папуасы, каноэ, озера. Гутен-таг, полуночник-костер! И конечно, привычка к позору... День начался, и что делать? Снять штаны и бегать. Была там еще шутка в том же роде. А! «От Украины, Молдовы, России (в штанах) дети советской страны (без штанов) бросили тоже цветы полевые (в штанах) в гребень дунайской волны (без штанов)»...

Судя по визгу и взаимным обвинениям, дети проснулись. За завтраком я заведу ежедневную

волынку: Александра, нет такого слова «кле-
вый»; Гриша, нож передают рукоятью вперед,
и тэ дэ. Мрачный из меня получился папаша,
сучный. Человек подобен мухе на мяче, ек-
клезиаствовал я, и в каждом возрасте жизни
своей мнит, что обретается в главной точке ша-
ра, а всего мяча не видит, никогда.

Слышится Ленино «доброе утро» и ответное
«здравия желаю!» соседа. Это с ним идем мы на
днях поселковой улицей, а он все сокрушается,
что у него ограду по весне выпрет: работяги
схалтурили, неглубоко столбы врыли, а промер-
зание — метр восемьдесят.

— Вы строитель? — спрашиваю я с подво-
хом, потому что профессия здешних насельни-
ков — зона умалчивания.

— Все относительно в этом мире, Сережа,
все относительно.

Релятивизм.

Господи, Твоя воля! По какому такому пра-
вилу буравчика она раскалывается изо дня
в день! М-м-м-м. Хоть рулоном туалетной бума-
ги башку обмотай и ходи так. Чтобы знали, сво-
лочи, как мне хреново.

Нет, соседи не каты — инженеры, завербо-
ванные органами, челядь. Но эти братья Чере-
пановы еще покажут зубы, когда, отзавтракав
и срыгнув, вгрызутся всем вурдалачьим ведом-
ством в череп мой, полный черного перезвона,
кто во что горазд — дрелями, электрорубанка-
ми, газонокосилками и бензопилами системы
«Дружба»: выкладывай, гад, подноготную.

Катов нет, а вот шпион — есть. Резидент раз-
ведки в Сан-Томе и Принсипи. На них, по слу-

хам, Андропов орал на общем собрании. «Американцы, — орал Андропов, — за свои деньги землю роют. А вы сидите в посольстве, как мышь под веником, только зря валюту переводите!» Нашему председателю после восьми лет напоминаний шпион принес восемь рублей за электричество.

— Ты что, — изумился председатель, — физику в школе не учил?

— Показания счетчика, — положил шпион конец прениям.

Это у него прошлой зимой другой полковник при похмельном содействии сторожа скоммуниздил два куба шпунтованного бруса.

С востока и юга отношения самые сносные, и не надо дважды просить дернуть за веревку, когда береза уже подпилена и накренилась. А если есть место в машине, охотно подбросят до Москвы.

Ну дожили: сидеть беззаботно с офицером госбезопасности. Слово за слово разговориться понемногу о жите-бытье... — ровно то, чего я боялся пуще огня, когда три неразборчивых близнеца в кожаных пальто ни свет ни заря в декабре восемьдесят первого ввалились к Оле на Фили.

Понемногу разговориться! И думать не могли! И я мазал себе впопыхах на кухне запястье зеленым фломастером. Так, узелок на память: у тебя есть мать, у тебя было детство с велосипедом и Стивенсоном, ты любишь Пушкина, и, главное, будет очень стыдно.

Они поторапливали, машина ждала внизу. На ходу я шепнул Оле, чтобы заговаривала им

зубы, и, спрятав пиво под свитер, заперся в ванной. Черт, открывалку забыл! Я отвернул до отказа оба крана, чтобы заглушить возню с бутылкой, и чуть ли не зубной щеткой содрал крышечку. Сидя на краю ванны, я тащил из горла под плеск в два крана. Сам виноват, чего мало-душничал, тянул резину? А то не знал, что в конце концов возьмут за хобот. Еще когда позвонил из Чоботов домой и мать не своим голосом намекнула ясней ясного на обыск. А ты еще гулял два дня по пустому поселку, репетировал. Пока Оля прямо не спросила: «Ты что, боишься?» Это уже было слишком. Потянулись в Москву, решили развлечься. Пошли в «Мир» на фильм Дамиано Дамиани «Я боюсь». Людей живьем бросали в жидкий бетон. Правосудие на эти шалости смотрело сквозь пальцы. На выходе, видя, что я не развеселился, Оля предложила: «Купим бутылочку винца?» Купили три сухого, на сдачу взяли одну пива.

— Я готов, — крикнул я визитерам, задвигая ногой бутылку за дверь.

Ехали с ветерком по осевой линии Кутузовского проспекта. Антенна гнулась от скорости. Промажнули дом Бороздиной. Юность. Улицу Дунаевского. Детство и отрочество. Олю близнецы галантно ссадили у метро «Дзержинская»: ей на работу на Цветной бульвар. Покружили вокруг главного здания и пришвартовались к двухэтажной постройке прошлого века. «Приехали. Выходите, пожалуйста».

Сколько же вас, мать ети, город в городе. Черные «Волги». Волокут брезентовые мешки, верно, с обысков. Сотрудники перебегают из подь-

езда в подъезд, из здания в здание палегке, без верхней одежды. Дают знакомцам пять, скалятся: сам-то как? А твоя как? Поеживаются на морозце. Во влип!

Проводят меня на второй этаж в затрапезную комнату. Сажусь, озираясь — ничего приметного: комната как комната. Вкатывается, улыбаясь, мой Порфирий, представляется: майор Кюпаев. Выученик Альбрехта, говорю о протоколе.

— Ну вы профессионал, Сергей Маркович, — смеется майор, — а как же без протокола, все по науке.

Доходим слово за слово до Козловского. Один раз видел я его. Или два. Толстый, с рыжей бородой, залысинами; ничего не скажешь, похож на прозаика.

— Ну и о чем вы говорили?

— О литературе. Об «Альтисте Данилове».

— Хочу почитать, все руки не доходят. Хорошо он пишет?

— Я не читал.

— Как же вы обсуждали?

— Бывает, что еще не читал, а уже не нравится.

— «Красную площадь» читали Козловского?

— Нет.

— «Мы встретились в раю»?

— Нет, — что чистая правда. Все «Континенты» шли через Кенжеева, и до меня очередь не дошла. Он Сопровского больше любил, а меня за дурачка держал, татарчонок.

— Как же вы со товарищи собираетесь его защищать, письма пишете, а сами не читали?

И я развожу отрепетированную бодягу про вымысел и клевету.

— А где вам позволят такой вымысел? В ЮАР? В Чили?

— В интересный ряд вы ставите нашу страну, — говорю я и поздравляю себя.

Майор посмеивается и разводит руками: дал маху. Я прошу позволения закурить и тотчас жалею об этом: у меня руки неверны после вчерашнего сухого, а он решит, что со страху. Я прошусь в уборную, и тоже напрасно, потому что он провожает меня оживленным коридором и дышит за моей спиной, а двери в кабинке нет. И что-то мне не журчится. Я еще со школы знаю, что не могу на людях. Под гогот одноклассников уходил, простояв в праздности над писсуаром минуту-другую, и терпел до дому.

Возвращаемся, занимаем исходные позиции. Молчим, долго молчим.

— А это что такое? — восклицает он победоносно и выкладывает, как козырного туза, на стол лист в косую линейку, исписанный моим пьяным почерком.

И я говорю с изумлением и облегчением:

— Так и трудовая у вас, и паспорт, и военный билет?

Боже ты мой! А я грешил на Чумака, думал, он видит, что меня развезло, и с пьяной заботой снял с меня планшет, а вернуть забыл и уехал с концами. Это все бездомность, благодарность и хронический алкоголизм. Это боязнь оказаться свиньей Печориным при встрече с Максим Максимычем, хотя говорить особенно не о чем. Это гордость интеллигента, даже такого опус-

тившегося, как я, дружбой с человеком из народа, простым, как грабли.

Я до последнего не верил в его приезд. Звонил Чумак с интервалом в год-полтора то из Газли, то из Чарджоу, то из Андижана. Слышно было плохо из-за помех и тяжелого опьянения звонившего. На «здорово, братан» и «я приеду, братан» разговор стопорился. И я решил, что у него такая симптоматика, почему бы нет? Его спяну тянет на переговорный пункт, а меня, к примеру, гостить — и чем дальше ехать, тем лучше, будь то Кибиров в Конькове или Коваль в Отрадном.

И вдруг он приезжает, и не один! А с «узкопленочной подругой», как говорит он с простодушным расизмом. И со спиногрызом. И они усталые, грязные, после трех суток плацкартной езды. Жена с ребенком лезут в ванную. Мама всех кормит. Но Миша Чумак не мыться ко мне приехал и не макароны есть. Нужно продолжение, а у меня — ну никак нельзя: мать дома, отец придет с работы вот-вот, брат вернется из института, а в моей комнате спит «узкопленочная» с мальцом. И под невинным предлогом и скорбным материнским взглядом мы выскальзываем из дому, и от универсама на «Юго-Западной», отоварившись, я звоню Пахомову и беру его силой, без экивоков. Явно ему не до питья, да и мне не до гульбы, но так карта легла.

Спасибо тебе, Аркадий, что вошел в положение. У тебя и у самого старики были дома, и Евгения Сергеевна музицировала за стеной. Мы выставили на стол три «андроповки». Ты сыграл кожей лица (знак веселого неодобрения),

тайком принес черного хлеба (а то родители думали, мы в лото играем), и — понеслось говно по трубам! Стало шумно, но больше всех усердствовал я. По-моему, я вовсе вам не дал рта раскрыть. Мы пришли уже на взводе, приняли по дороге, и вообще я горазд врать, и Мишу надо было представить с лучшей стороны... Но и история, согласись, того стоит.

Мне всегда, знаешь, не просто устроиться в экспедиции. Если в отделе кадров спрашивают военный билет, я смекаю, что дело швах: статья 2-б. В семьдесят восьмом году не везло, и все тут. На кадровиков напал административный восторг. Середина мая, а я все еще болтаюсь, как дерьмо в проруби. Потащился я к черту на рога, в Люблино. Автобусы, пересадки, адрес на бумажке. Вроде моя улица, вышел. Проезжая часть перегорожена турникетом; милиции как собак нерезаных. Показываю адрес. Иди, говорят, в обход, здесь нельзя. Нашел наконец. Сидит такой улыбочивый начальник лет тридцати пяти. Располагает к себе. Знакомимся. Юра Афанасов.

— Что у вас такое происходит? — спрашиваю. — Плутал огородами, все перекрыто.

— Да, чудика вроде вас судят.

— ?

— Юрия Орлова.

Я сразу признаюсь, что у меня неполадки с военным билетом. У нас с этим просто, успокоил меня Афанасов, были бы руки-ноги. И меня в два счета оформили на три месяца на Мангышлак, с одним условием, правда. Что я буду сопровождать туда две платформы с экспеди-

ционными машинами. И я соглашаюсь, а куда я денусь?

— Ну, бон вояж, — говорит мне мой новый начальник на прощанье, — желаю вам, чтоб вас не сбросили с платформы.

— А что, были случаи? — заинтересовался я.

— Вы не волнуйтесь, — отвечает симпатяга Афанасов.

Я приуныл, что придется тащиться до места неделю-другую. А потом думаю, ладно, проеду по России по-пушкински, малой скоростью.

И мы поехали по-пушкински. Ехали без малого месяц. Было нас, сопровождающих, четверо. Не сидел один я. В первые же дни мы пропили всю наличность, драки начались уже на второй день пути. Тогда я понял впервые: не надо стараться понравиться, искать общий язык. Это справедливо сочтут за слабость и не пощадят. Своевременное открытие избавило меня от рукоприкладства. Я только разнимал дерущихся, удавалось мне это так себе. Я дивился инфантилизму попутчиков. С вечера били друг другу морды, выливали жратву на голову кашевару Вите Кукушкину, а с утра сходились как ни в чем не бывало. Точно трехлетние дети, повздорившие в песочнице из-за формочек. Или полное пренебрежение свободой. Да побудь я с неделю в аду, воспоминания о котором не сходят у них с языка, кажется, улицу боялся бы на красный свет перейти, а им хоть бы хны. Вот уже поторговывают экспедиционным имуществом, тушенкой прельстили голодный Воронеж. Что им, на воле пресно, что ли?

Но главные сюрпризы начались за Макатом. Продали все, что плохо лежало, и пропили. Закончили с «колесами» — экспедиционной аптечкой, — и вот уже Витя Кукушкин, что твой Франциск Ассизский, беседует с кедами по душам. Мне-то что: я читаю. В одно прекрасное утро остро запахло кофе. Ночью состав перестроили и вплотную к нашим платформам пристегнули вагон с колониальным товаром. Совет в Филях длился недолго. Мои отпетые сотрудники на ходу, по-волчьи, один за одним перемахнули на крышу впереди идущего вагона. Товарняк в сорок вагонов грохотал по совершенно плоской полупустыне, и только редкие верблюды оживляли прекрасный по-своему пейзаж. Кто-то свесился и сбил пломбы. Дверь откатили, грабеж начался. Через четверть часа пять-шесть больших коробов с молотым «Арабика» загромождали платформу. Грабители даже не удосужились накрыть улики брезентом. Разбрелись спать кто куда.

Утром следующего дня на каком-то разъезде мы подобрали двоих. Одного, сухощавого, с зубами в шахматном порядке, звали Миша Чумак, а другого, совсем молодого, бритого, — уже не помню как. Помню только, что был он богато проиллюстрирован: шея, грудь, спина, живот — русалки, орлы, факелы — всего не перечить. И вид имел подонистый. Приятелями они не были, случайно сошлись в пустыне. Миша Чумак погнался на мотоцикле за сайгаками, мотоцикл занесло на бархане, крутануло, вертануло, чего-то он юзом — и вот Миша здесь

в одной рубашке, а пужно ему в Ургенч, трудоу-
устраиваться. Второй, с картинками, помалки-
вал, но, как я понял, он намертво заблудился
и только благодаря Чумаку вышел к железно-
дорожному полотну. К вечеру мы внезапно вста-
ли посреди пустыни. Ни с того ни с сего. Разъ-
езд был неподалеку, мы сбегали, и смотритель
объяснил, что локомотив не тянет. Состав тяже-
лый, а локомотив слабосильный, вот он и не тя-
нет. И он уже час как отстегнулся, бросил обез-
главленный товарняк и дунул обратно в Макат.
А когда будет мощный локомотив — неизвест-
но. Должен быть.

— Ждать нам до мархуевой пятницы, —
сказал Чумака и оказался прав.

Стояли мы на жаре и день, и два, и три. И бы-
ло нас на весь безжизненный состав, протянув-
шийся километра на два, шестеро, если не счи-
тать работника ж/д в будке с мухами. Я спусть
рукава бодался с английской книжкой. Осталь-
ные резались в самодельные карты в буру и си-
ку, а я — пас, после того, как меня в Певеке обу-
ли. Скучно было смертельно. Видя, как я гроб-
лю молодость над книгой, Чумака предупредил:
«Зря ты это, Серый, заёб в голову зайдет». И ведь
как в воду глядел, аукнулось через семнадцать
лет!

К воскресному утру вышли вода, еда и куре-
во. Миша взял сорокалитровую флягу за не-
имением меньшей емкости и порыл в степь.
Я увязался за ним. Рот у него не закрывался,
и бахвалился он интересно. Все у него в жизни
было так же, как и у оставшихся на платформе,
да не так же. Они бесперечь и со вкусом вспо-

минали зону, мусолили ужасы, а Чумак невольно поминал с неохотой. Зная, что о статьях спрашивать не годится, я все-таки не удержался, и оказались все его ходки сущим детским садом: то он кому-то навешал с пьяных глаз, то ему навешали. То уснул он, пьяный, в балке, и от его памирины сторел народно-хозяйственный объект. Или угнал обкомовских индюшек и жарил девкам шашлыки на арыке. Бузотер. Говорил он без знаков препинания, как Телескопов. «Мир животных», — с деланым сокрушением начинал он бессчетную амурную историю, и я слушал, как иностранец, как работал он дальнобойщиком и подпоили они плечевую и чем дело закончилось. И, бредя по степи, собирая дикий чеснок, я обрадовался человеку и почувствовал, что устал от джунглей на колесах, потому что уже две с половиной недели даже во сне был настороже: напрягли меня попутчики. Так, слово за слово, этим по столу, набрали мы на пустую бытовку бурильщиков. Вагончик был обжитой, убранный, с японкой на стене. Миша позаимствовал воды, взял малость сухарей и пару «Примы» из россыпи пачек. Мы перекурили в теньке бытовки и потянулись к нашему товарняку на горизонте. Дорогу срезали через солончак. Фляга рвала руки, и Чумак научил нести враспор. Мы показали спутникам надыбанное, и гоп-компания с матерком сорвалась с места по нашим следам.

Воротились они веселые часа через три, и по обрывкам разговора я понял, что ублюдки оттянулись всюю, ни в чем себе не отказали, чуть ли не во флягу бурильщикам пассивали. Достали

Гандлевский С.

Г 19 Трепанация черепа ; НРЗБ : повесть, роман / Сергей Гандлевский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 384 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-27215-6

Москва, начало 1990-х годов. Главный герой мучается от невыносимых головных болей, и вскоре врачи находят у него доброкачественную опухоль. В ожидании операции жизнь продолжается, и в этой жизни находится место вернисажам и поэтическим вечерам, поездкам на дачу, попойкам с друзьями и, конечно, мучительной саморефлексии и страху перед будущим. Как и у Довлатова, герой Гандлевского автобиографичен, тут и там мелькают реальные люди — друзья и коллеги автора: Тимур Кибиров, Лев Рубинштейн, Александр Сопровский, Семен Файбисович, Дмитрий Александрович Пригов и многие другие. Повествование «здесь и сейчас» то и дело разбавляется воспоминаниями о «неподцензурной» юности, а яркие бытовые детали делают эту прозу особенно запоминающейся.

«НРЗБ» — роман о поэте-студийце Льве Криворотове (фамилия в данном случае говорящая); в юности он нацелился на траекторию «творчество, любовь, шедевры, период гонений, седина, фрак, Стокгольм, лауреатская речь», но загаданное, увы, не сбылось. Спустя двадцать лет Криворотов задвинул творчество на второй план и занимается наследием Виктора Чиграшова, поэта, о котором современники когда-то говорили: «Нас вспомнят только за то, что мы дышали с ним одним воздухом». Горечь несбывшихся надежд, ревность и затаенная обида — жизненное топливо Криворотова, но и в этой стоячей воде не обойдется без сюрпризов...

Сергей Гандлевский — поэт, прозаик, эссеист. Окончил филологический факультет МГУ. Работал школьным учителем, экскурсоводом, рабочим сцены, ночным сторожем; в настоящее время — редактор журнала «Иностранная литература». С восемнадцати лет пишет стихи, был участником поэтического объединения «Московское время».

Лауреат многих литературных премий, в том числе «Малого Букера», «Антибукера», «Северной Пальмиры», премии Аполлона Григорьева, «Московский счет», «Поэт».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание / Эдби-көркем басылым

СЕРГЕЙ МАРКОВИЧ ГАНДЛЕВСКИЙ
ТРЕПАНАЦИЯ ЧЕРЕПА

НРЗБ

Редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Маргарита Ахметова, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.11.2024.
Формат издания 84 × 96 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 17,88. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MOD-36217-01-R